

Здание типографии журнала «Огонёк» по проекту Л. Лисицкого

Последней работой считается плакат «Давайте побольше танков». Его теоретические труды были опубликованы в Европе в 1920-30-60-е годы. Продолжительное время в советском искусстве не упоминался Лазарь Лисицкий как одна из главных фигур архитектуры, плакатного искусства, фотомонтажа и полиграфии. Всё величие и значение его таланта и внимание к этой культовой персоне европейского искусства стало очевидным в недавнее время, и на экспозиции Витебского народного художественного училища к 100-летию ВХУ в Центре Жорда Помпиду в Париже имена Шагала, Малевича и Лисицкого представлены центральной триадой.

ВОЙНА В АВТОБИОГРАФИЯХ ЛАТЫШСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ (1922–1924)

Кузнецова Т.И. (г. Даугавпилс, Латвия)

Война есть людьми порождаемое и людей порождающее начало. Её разрушительно-созидательное воздействие на человеческий мир может как сознаться и осмыслиться ими, так и не стать предметом размышления, ибо в силу своей огромности, многогранности, глубинности и глобальности война становится недоступной пониманию человека. Как заметил Б. Пастернак устами доктора Юрия Живаго: «Мелко копать в причинах циклопических событий. Они их не имеют. Это у домашних ссор есть свой генезис, и после того как оттакают друг друга за волосы и перебьют посуду, ума не приложат, кто начал первый. Всё же истинно великое безначально, как Вселенная. Оно вдруг оказывается налицо без возникновения, словно было всегда или с неба свалилось» [1, с. 180].

Осмысление же войны как целостного в своей многогранности явления в диахроническом и синхроническом его измерении является результатом дистанцированного, а, значит, и возможного рационального отношения к «циклопическому событию». Подобное дистанцирование, насыщенное рационализмом, и потому направленное на понимание проходящего и предполагающее способность видеть частности, проглядывая в них сущность вещей и процессов, может быть названо историзацией настоящего и любой глубины прошлого, в том числе ещё не остывшего прошлого, каким была к началу 20-х годов война. Как признался один из латышских писателей А. Балтпуर्वиньш (род. 1871) в написанном им в 1922 г. автобиографическом очерке: «О пережитом за последнее десятилетие думаю написать с большого расстояния, когда большие линии станут яснее» [3, с. 98].

Для историзации характерен принцип системности, который имеет различные проявления. Во-первых, принцип системности обнаруживает себя в понимании исторического процесса как социального взаимодействия разного уровня и в разных сферах жизни людей, имеющего место быть в области физических действий и в

области восприятия себя и других, в том числе, и себя другими. Во-вторых, в понимании любого явления человеческой жизни или института как узла разного уровня и разного характера социальных связей, что позволяет выявить социальное целое, опираясь на конкретно-эмпирическое. В-третьих, принцип системности предполагает понимание различных контекстов, в которых существует то или иное явление / и выбор одного из возможных для артикулирования. В-четвёртых, принцип системности означает понимание качественной определённости исторического процесса, т.е. целостности исторического времени.

К историзации наличного бытия предрасположены люди, наделённые неким кругозором, склонные к духовно-интеллектуальной работе. К таковым по определению можно отнести писателей, чем и определяется наш выбор текстов для анализа выраженного в них отношения к войне с целью определить имеющую место быть или отсутствующую историзацию Первой мировой войны. Этими текстами являются опубликованные автобиографии 66 латышских писателей, чьи даты рождения относятся к периоду с 1835 года по 1893 год. Составителем сборника К. Эгле, так же писателем и журналистом, родившимся в 1887 году [5, с. 149], все полученные им автобиографии были разделены для публикации на три части, каждая из которых включала в себя представителей одного поколения. Сделано это было с намерением «создать источник литературно-исторических материалов, пригодных не только для чтения, но и для познания» [2, Priekšvārds]. Круг же предметов познания определяется как пониманием того, что есть социальная реальность, так и того, что есть источник. В данном случае требуется осознание социальной функции текста. Публикация автобиографий писателей, само название которых «Atziņas / Признания» ориентировало откликнувшихся на призыв К. Эгле авторов на рационально-интеллектуальное отношение к своему жизненному пути, придаёт этим текстам идеологический статус: Они перестают быть только эмоционально-ментальной эманацией личного «я», поскольку транслируют аудитории определённый способ мироотношения – видения, оценки, поведения. Из всех возможных предметов познания мы ограничимся, быть может, самым неявным, неочевидным, но представляющим чрезвычайную значимость для судеб людей и государственных образований после войны и межвоенного времени – возможная историзация Первой мировой войны. Отметим так же, что историзация проявляет социальность интеллектуального свойства, т.е. ориентированность человека на понимание происходящего, тогда как подмена его эмоционально-оценочными реакциями есть манифестация асоциальности.

Каковы были, если были, признаки историзации и сопряжённой с ней социальности авторов биографических «Признаний», опубликованных в Латвии в 1923-1924 годах? Какое восприятие войны демонстрируют эти тексты? Анализ опубликованных автобиографий обнаруживает, что война не предстаёт целостным, системным, многогранным явлением. На это указывают обозначения её и контекст упоминания:

- времена беженцев
- пять лет войны и беженцев
- война и революция
- мировая война, революция, беспорядки и разрушение как всего общества, так и личной жизни
- время войны и беженцев
- годы войны и революции
- эпоха беженцев
- времена войны, революции и оккупационной власти.

Отметим, что частотная замена «войны» «временем беженцев» или сопряжения этих двух номинаций указывает на сужено-локальный, одномерный способ мировидения и поведения, диктующего оказывать активную посильную помощь лишь своим – латышам, что подтверждается также и отсутствием в опубликованных автобиографиях каких-либо фактов сотрудничества с немцами. Фиксирование же отдельных явлений, перечисление в одном ряду, соединённом союзом «и» разрывает внутреннюю связь между войной и революцией, и оккупацией, и «волной беженцев», которые предстают как отдельные параллельные или сменяющие друг друга «события». Подобная конструкция фраз, номинирующих войну, обнажает и формирует упрощённое, «выпрямленное» представление о войне, сводимой лишь к вооружённым действиям. Так неявно, но реально выпячивается техническая сторона войны и предаётся забвению – социальная. Война в таких упоминаниях утрачивает многогранный антропологически-социальный характер и оказывается лишь внешними рамками существования людей, не затрагивая глубоко их внутреннего мира, за редчайшими исключениями. Например, Я. Акуратерс, пошедший добровольцем в латышские стрелковые полки и участвовавший в боях, признал: «пережитое в рождественские дни на поле боя в Тирельских болотах сильно изменило мои взгляды на значение человека и сделало более безразличным ко всему идеализму» [4, с. 183]. Или Ю. Вецзолс, который отметил, что «... военные обстоятельства пробудили во мне ту идеологию, которая захватывала меня в раннем детстве (pirīmā bērņībā) и которую совершенно забыл. Я отбросил план утопического романа об образовании Европейского союза государств и обратился к первоначальному, к более исконному, первозданному [4, с. 133]. Тем не менее, чаще всего война упоминается в связи с нарушением налаженной жизни, планов, утратой сделанного (написанного), перемещением на «чужбину» – в Петроград, Москву. Война в содержательно скудных описаниях, в автобиографиях латышских писателей предстаёт как то, что меняет внешние обстоятельства жизни, при этом очень мало влияя на само содержание, наполнение этой жизни.

При этом представители старшего поколения, в котором формирующуюся интеллигенцию составляли учителя, продолжали работать на учительской ниве в новых для себя местах, осознавая больший, чем прежде, масштаб этой работы. Так М. Каузитес (1848 г. р.) вспоминает, что «... работал [в Вец-Пиебалге] в своё удовольствие как над статьками, так и над другими школьными предметами до времени великой войны, когда на время переселился жить в Петроград. Но и там не остался без работы в школе, т.к. дирекцией женской гимназии, вывезенной из Риги, был мило приглашён в качестве преподавателя латышского языка и литературы на 1916/1917 учебный год, что и делал с истинной радостью... Там получил возможность работать в значительно большем объёме, чем раньше в основной школе» [2, с. 120].

Второе же поколение сосредоточилось на оказании помощи латышам – беженцам, что позволило ему лучше ознакомиться с «внутренней» Россией, русскими и что, в конечном итоге, вело к ещё более глубокому очуждению русских и отчуждению от России. Как, например, пишет Т. Леяс-Круминьш (1871 г. р.): «О наблюдениях и приключениях в России, о русском народе, о котором знал до этого по идеализируемым книгам, о латышах-беженцах на чужбине и их судьбах, хороших и низких элементах писать здесь нет ни времени, ни места. Страдали все, многие не выдержали, сломались, стали нищими ... И всё-таки несмотря на все трудности – эти годы чужбины были в моей жизни самым большим приключением. Получил возможность (vaigu vaigā) «щекой к щеке» познакомиться с Россией, её жизнью, людьми и обычаями, видеть большие города и на тысячи вёрст растянувшиеся избушки посёлки. Специально моим районом деятельности были окрестности Волги от Тверской губернии до Костромы и Кинешмы. Что только не было прочитано в этой огромной азбуке!» [3, с. 74].

Отчуждение страны, частью которой ко времени войны была территория будущей Латвии, отчуждение от государства сказалось, например, в нежелании нести военную службу и радости по поводу неучастия в ней. Так, Ю. Петерсонс (1880 г. р.) сообщает, что «во время войны, работая в беженском комитете, счастливо избегал военной службы и после времени большевиков завёл маленькую типографию, которая за эти годы сильно выросла» [4, с. 47].

Нарастающее отчуждение вылилось во возвращаемое третьим, молодым поколением латышских писателей, активно занявшихся публицистикой, зерна идеи независимости Латвийского государства (см. Atziņas, III, с. 101-104. – Л. Лайценс), отнюдь не единодушно принятой современниками. Представителям третьего поколения, чьи автобиографии составляют третью часть рассматриваемых «Признаний» (Atziņa – суждение, выводы, откровения), пришлось непосредственно участвовать в боях, находиться в военных подразделениях, в том числе и в латышских батальонах, служба в которых способствовала политико-идеологическому размежеванию самих латышей-стрелков. Так, П. Эрманис (1893 г. р.) в отличие от многих (его текст по политической окраске единственен) рассказывает подробным образом о пережитом и соотносит увиденное друг с другом, подвергая анализу и делая выводы. Он повествует следующее: «... В апреле 1916 года приехал в латышские батальоны. Режим, конечно, и здесь был безжалостным и суровым, офицеры и унтер-офицеры временами ругались злее, чем русские (кажется, известное «трехэтажное» русское выражение латыши использовали больше, чем сами русские) и когда слышу чрезмерное восхваление этих батальонов, мне всегда хочется кое-что дополнить. Поэтому понял ненависть революционных стрелков по отношению к офицерам и многие явления 1917 года... Ненавижу каждое проявление бесчеловечности и грубого насилия, всё равно совершается ли оно во имя милитаризма, коммунизма или чего-то другого [4, с. 361-362]. Подобный текст по откровенности, человечности, аналитичности, т.е. по выраженной в ней социальности является единственным.

Отношение к войне писателей всех трёх поколений объединяет суженная призма своего – частного, эгоистичного, семейного, этнонационального круга, которая не позволяет увидеть других и другое, лежащее за пределами этого круга. Подобный ракурс видения «циклопического события» – мировой войны свидетельствует о достаточно высокой степени асоциальности, причём, нарастающей во время войны, которая характерна для авторов автобиографий и транслируется ими читательской аудитории. В силу относительной редкости упоминания войны, характера упоминаний, содержательной скудости описания война предстаёт в рассматриваемых текстах в значительной мере «фигурой умолчания», не допускающей её историзацию и ограничивающей социальность людей как переживших её непосредственно, так и их потомков.

Однако следует заметить, что и признаков мифологизации войны в данных текстах нет. Они скорее демонстрируют состояние замирания, некоторой подавленности, приостановки творческого дыхания, вызванного не только непояснённой смыслом бывшего, но и жизненными реалиями настоящего, что вычитывается иногда прямо, а иногда между строк опубликованных автобиографий латышских писателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пастернак, Б. Доктор Живаго / Б. Пастернак. Москва: «Мартин», 2010. – 521 с.
2. Atziņas: Latvju rakstnieku autobiogrāfijas. Pirmā daļa. Cēsis-Rīgā: O. Zēpes apg., 1923, 323 lpp.
3. Atziņas: Latvju rakstnieku autobiogrāfijas. Otrā daļa. Cēsis-Rīgā: O. Zēpes apg., 1924, 411 lpp.
4. Atziņas: Latvju rakstnieku autobiogrāfijas. Trešā daļa. Cēsis-Rīgā: O. Zēpes apg., 1924, 429 lpp.
5. Es viņu pazīstu: Latviešu biogrāfiskā vārdnīca. [Michigānā]: Eavew Printing, 1975 (1939), 560 lpp.